

15. Парникель Б.Б. Трансформация и переосмысление заимствованного литературного материала // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. С. 323–378.

С.В. Банит

ТРИ ШАИРА О ВОЙНЕ

Конец XIX — начало XX в. ознаменовалось активной литературной деятельностью в рамках как старых жанров, так и новых. Авторы пытались успеть отразить стремительное развитие общества, используя уже известные приемы, появилось огромное количество произведений самого разнообразного содержания. Но столь бурное расширение тематического диапазона нередко шло в ущерб художественной глубине, так как в стремлении успеть за историей певцы не слишком заботились о художественной форме. Не успевая сложиться в единый художественный организм, многие произведения не пережили породившего их времени. Часть произведений, написанных на рубеже XIX–XX вв., можно условно назвать «газетными», поскольку они основывались не на личном опыте автора или на материалах сказаний о недавнем прошлом (как основное количество исторических шаириров классического периода), а на газетных статьях. Красота часто подменялась размерами (это особенно верно для сочинений конца XIX — начала XX в.).

Таким образом, рассмотрев произведения переходного периода, мы можем сказать, что они действительно отличаются чрезвычайной широтой и новизной тематики, простотой изложения, но авторы все еще придерживаются некоторых жанровых канонов.

Факты требовали художественной реакции независимо от того, насколько их природа допускала художественное отражение. Таких средств отражения оказалось три:

- по-прежнему поиски достаточно прочной сюжетной опоры в фактах,
- стремление к документальному описанию факта,
- стремление к отражению факта в рамках старых сюжетных схем.

Произведения со статичным описанием событий, сопровождаемым большим количеством исторически верных деталей, отличаются сухостью, очень небольшой степенью изобразительности и шаблонностью. Примером такого рода произведений может служить «Шаир о русско-японской войне» — большой объем, широкий охват событий, длительные временные рамки, газетный стиль изложения, простой язык. Возможно, что это заставляет многих исследователей выводить шаиры того времени за рамки литературы и не принимать их во внимание при изучении жанра.

«Поэма о русско-японской войне» относится к литературе переходного периода или периода «национального пробуждения», когда новое содержание еще было облечено в старые формы. Это произведение во многом отличается от классических исторических шаиrow; оно начинается словами: «Это — поэма о русско-японской войне, написанная Ахмадом Берамкой бин Гуру Чита Шафирином бин Усман Бин Фадили Бетави». Ахмад Берамка происходил из семьи потомственных переписчиков, которым принадлежала одна из самых больших коллекций рукописей в Батавии.

Длинным именем автор хочет доказать, что он не простой человек. Также он точно указывает время создания произведения, но это не влияние европейской литературной традиции. Такое количество подробностей дается, чтобы уберечь произведение от копирования переписчиками.

Используя форму шаира, автор, тем не менее, не следует канонам жанра и ведет повествование в свободной манере, часто обращаясь к читателю:

Чтобы читателю было легче,
Когда мы будем говорить о войне,
Начнем просто рассказ
В названном уже месяце...
Читатель, из этой истории
Ты можешь сам сделать выводы...
Читатель, конечно, уже слышал...
Не надо удивляться читатель... [3]

Такое большое внимание к читателю (а не к слушателю, как почти во всех шаирах) обусловлено переходом к другой культуре восприятия сочинений. Это уже не чтение вслух и нараспев по вечерам в кругу семьи или друзей, а

чтение про себя. Эта поэма, насыщенная иностранными словами и цифрами, рассчитана на грамотного читателя, городского жителя.

Автор не придерживается строгой хронологической последовательности и заставляет своих читателей путешествовать во времени и пространстве, наблюдая за ходом войны. Так, например, он говорит: «А сейчас давайте оставим на время генерала Куропаткина и его армию... и [вернемся] в 24 августа и встретимся с японскими войсками», — и переносит читателей на несколько месяцев назад. Или, оставив противников биться на суше в начале августа, он возвращается в конец мая, описывая военные действия на море.

Это произведение значительно отличается от прочих сочинений, оно явно испытало влияние европейской литературной традиции, что касается не только хронологии, но и композиции. Поэма начинается с небольшого вступления, где обрисовывается ситуация в Маньчжурии. Далее следует подробный пересказ содержания 50 телеграмм, проектов договоров и поправок к ним. Последующие 32 главы рассказывают не только о военных действиях, но и содержат перечисление военных кораблей, имена капитанов, данные о численности русских гарнизонов в Маньчжурии. Автор говорит, что всю информацию он почерпнул из американских и немецких газет.

Это повествование — рассказ,
Написанный [в форме] шаира, это ясно,
Чтобы читали [его] мои друзья,
Все, и молодые, и старые (1).

Далее он ведет свободное повествование, часто обращаясь к своим читателям:

Чтобы читателю было легче,
Когда мы будем говорить о войне,
Начнем просто рассказ
В названном уже месяце. (791)
Читатели из этой истории... (981).

В этом произведении нет традиционного вступления и заключения, в нем даже нет упоминания имени Аллаха.

В «Поэме о русско-японской войне» нет прекрасных и бесстрашных воинов, побеждающих трусливых и ничтож-

ных врагов, хотя авторские симпатии всецело на стороне японцев. Автор объективен как в описании военных действий, так и в оценке русской армии. Здесь нас интересует вторая часть поэмы, поскольку первая содержит только пересказ хода переговоров. Во второй части мы встречаем уже знакомые нам эпитеты, пока относящиеся только к японцам:

Он не просто храбр и бесстрашен (1180).
Действительно смел, встречает грудь [врага]
И ничего не боится (1181).
По отваге нет ему равных (1184).
По смелости нет второго такого офицера (1189).

Автор восхищается умением японских генералов вести бои и осаждать крепости; они обрушиваются на врага «словно стремительный поток», сдерживая врага, они «стоят очень прочно». И совсем не случайно замечание автора:

Здесь можно сказать,
Что японские войска воевали
Впервые, надо заметить,
С европейской армией.

В 1923 г. в Кедири вышел «Шаир воспоминаний о мировой войне», по построению и содержанию он очень схож с «Шаиром о русско-японской войне» — оба автора касаются тем, напрямую не затрагивающих их страну. Перед читателем развернута рифмованная хроника Первой мировой войны, насыщенная географическими названиями, датами, именами, цифрами. Каждое четверостишие описывает конкретное действие воюющих сторон:

1-11-1914 между Германией и Англией была битва на море,
В Корнельском проливе они напали друг на друга и стреляли,
Друг перед другом свирепой силой похваляясь,
Но матросы во множестве погибли.
Погибло в общей сложности 9.998.771 человек,
А еще 6.295.512 получили тяжелые ранения,
Пострадали 14.002.039 от легких ранений,
И это еще не считая 5.993.630 человек, пропавших без вести.

От собственно жанровых признаков здесь осталась только сплошная рифма, однако автор решил украсить свое произведение акrostихом — первые буквы 23 строф создают фразу: «Sair perang jang paling besar dan jang paling heibat di dalem doenia terkarang oleh H Brightson Kedierie Java» («Шаир о самой большой и самой ужасной войне в этом мире написан Г.Брайтсоном, Кедири, Ява»).

Окончился шаир на этом месте,
Уважительно просит автор прощения,
Зовут автора Г.Брайтсон.
Окончен, потому что [автор] очень устал (349).
Извини, читатель! Если что написано неверно.
Все потому, что у автора не было учителя,
Умение писать такие новости еще внове,
Следовал я только велению своего сердца (350).

Самыми поздним доступным нам произведением является шаир «О японской оккупации на Яве» (119 четверостиший), изданный в Гааге. Его предваряет обращение к читателям:

Уважаемый читатель,
Неважно, молодой или старый,
Читай написанное без смеха.
Написано для [чтения] с удовольствием,
Чтобы было интересно,
А если кому и будет от этого польза,
То она не имелась в виду.
Написано не для того, чтобы высмеять кого-то,
Мужчины и женщины, читайте без ограничений,
Все, что написано, правда,
Это события времен войны.

Этот шаир создан непосредственным участником событий, поэтому он отличается особой живостью и эмоциональностью. Собственно вступление содержит рассуждения о войне и мире, подавлении слабого сильным, о пренебрежении к религии. Затем автор кратко описывает события второй мировой войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Голландцы не смогли остановить продвижение японцев и оставили Джакарту. Автор рассуждает о том, что три с половиной века развевался на его страной голландский триколор, но в один момент все переменялось. Гордость

переполняет автора за японцев, победивших европейцев. Оккупанты убивали и грабили китайцев, с их приходом спекулянты появились во множестве, разрослись черные рынки. Японцы завлекли местных жителей лозунгом «Совместное процветание всей Восточной Азии», их воспринимали защитниками и лидерами Азии. Автора возмущает то, что оккупанты активно вмешиваются в жизнь яванцев: меняют названия улиц, заставляли участвовать в принудительных работах, творили самоуправство, вешали и отрубали головы, забирали красивых девушек, запретили местные песни и танцы. Война принесла местному населению много горя, выросла безработица, люди умирали от голода, и тела их лежали прямо вдоль дорог.

В это время жизнь людей была хуже, чем у животных,
Редко видно было труп собаки у дороги,
Но часто [можно видеть] тела народа Тарзана навзничь
на улицах,
Голые тела без рубах и маек! (71)

Автор иронически замечает, что в этом во всем и есть величие Японии. За три с половиной года японцы все перевернули в стране, используя обман и уловки, провозглашая верность друг другу до гроба, на деле исповедуют принцип «умри ты первым, а я потом».

Японская оккупация изменила людей: «никто раньше не осмеливался выступать против, теперь выступают все» (103). Японцы же больше не свирепые тигры, а боязливые цапли, автор называет их нацией крокодилов, теперь их никто не уважает.

Заканчивается шаир рассуждениями о том, что в трудные времена каждый заботится только о своем благополучии, не думая о нации и стране, и это приводит к разрухе. После капитуляции японцев встал вопрос о тех, кто сотрудничал с ними, как относиться к тем, кто замарал свое имя. Автор шлет им свои проклятия, но говорит, что следует прежде убедиться, правда ли они настолько грешны, ведь трудно сопротивляться силе.

Этот шаир отличается от двух других искренностью переживаний, более ярким и выразительным языком, насыщенностью фразеологизмами и традиционными эпитетами, что роднит его с шаирами классического периода.

1. Sair peringatan perang doenia. Terkarang oleh H. Brightson. Kediri, 1923.
2. Warisan Djepang. Waktu pendoedoean Djepang di Jawa. Roulette. Makelaar tjatoet. Groningen. Den Haag.
3. ЛО ИВ АН СССР, Д-449. Syair perang Ruslan dan Jepang.

А. Касаткина

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ИНДОНЕЗИИ

Говоря о новых религиозных движениях Индонезии, сначала следует остановиться на проблеме источников. При подготовке этой статьи, к сожалению, чаще приходилось работать с внешними источниками — публикациями сторонних исследователей религий, в которых высока вероятность неверной интерпретации, либо искажения информации вследствие непонимания, либо предвзятого отношения. Внутренние же источники по этой теме — тексты, написанные основателями либо последователями религии, их устные сообщения — в условиях, когда нет возможности вести полевые исследования, доступны в очень ограниченном количестве. Единственным внутренним источником, который использовался при подготовке статьи, являются материалы электронной переписки с последователями некоторых рассматриваемых движений. Исследуя эту тему, пришлось столкнуться с противоречиями не только между внешними и внутренними источниками (при всей немногочисленности последних), но и между различными внешними источниками, особенно между русскоязычными и иноязычными. Следует, таким образом, отметить, что эта тема изучена далеко не полностью и требует ещё огромной работы, в процессе которой некоторые приведенные здесь сведения могут быть опровергнуты, а сделанные выводы — изменены.

Сложная религиозная обстановка в современной Индонезии придает проблеме вновь возникающих религий особую актуальность. Подавляющее большинство населения страны исповедует ислам, в соответствии с Конституцией